

В областной филармонии состоялся сольный концерт "Часовые любви" известного композитора Сергея Никитина. Выступление популярного автора-исполнителя – всегда диалог со зрителем. Переполненный зал с упоением подпевал "Под музыку Вивальди", "Александра, Александра...", "Собака бывает кусачей"... Перед каждой песней Сергей Яковлевич обязательно называл автора слов. Среди его любимых поэтов – Борис Рыжий, Юнна Мориц. У Сергея Никитина очень трепетное отношение к песням Булата Окуджавы, это заметно по его манере исполнения. "А когда артист вспомнил свои школьные каникулы в селе на Брянщине, рядом с Украиной, и с чувством запел "А молодість не вернеться", зал взорвался аплодисментами. Композитор великолепно играет на семиструнной гитаре с особым минорным строем. Ему под стать коллеги-виртуозы: дончанин, гитарист Михаил Барановский и контрабасист Игорь Иванушкин. Сергей Никитин не привык халтурить и добросовестно отработал трехчасовой концерт. Публика его принимала очень тепло и несколько раз вызывала на "бис".

В гостинице "Шафран" состоялась встреча с заслуженным деятелем искусств РФ Сергеем Никитиным в узком кругу. Задушевная, неторопливая беседа с глубоким, интеллигентным человеком располагала к откровенности. Она длилась почти два часа, поэтому удалось спросить композитора обо всем, что хотелось узнать.

– Сергей Яковлевич, вы серьезно занимались наукой. Как вышло, что лирик победил физика?

– Рациональное и эмоциональное – две части одного целого. Одно стимулирует другое, и эти две профессии я тянул почти 20 лет, работал в биофизике, защитил диссертацию. В 70-е годы, будучи младшим научным сотрудником, получал 110 рублей, потом 120. Мы за один концерт зарабатывали 100 рублей, а бывало и по несколько концертов в месяц. Но это были совершенно другие деньги. 110 рублей, полученные в кассе института биологической физики, весили гораздо больше, чем 500 рублей, заработанные на концертах. Вроде ты занимаешься любимым делом, а тебе еще за это платят. И тогда не приходило в голову: "Зачем заниматься наукой, если ты можешь петь". Что-то было нестабильное, а там статус – младший научный сотрудник Академии наук СССР.

– Звучит солидно.

– А уже в 80-е годы появлялась мысль: "Может быть, оставить?". Но Татьяна мне строго-настрого сказала: "Пока не защитишь диссертацию, и не думай". И вот, накануне своего 40-летия, в 1984-м году я защитил диссертацию. Дело даже не в научных сложностях, я попал к хорошему шефу (он мой друг), и наука интересная и то, что мы делали, было впервые в области биофизики. Но надо было преодолеть организационные сложности, а я очень неорганизованный человек. Татьяна защитилась лет на восемь раньше меня. А в 1987 году я нашел в себе решимость и расстался с наукой. И как раз в это время Олег Павлович Табаков пригласил меня в свой театр заведующим музыкальной частью.

– Вы не жалели, что попрощались с наукой?

– Я для себя решил: то, что я делаю в науке, могут сделать и другие, а то, что с гитарой, никто за меня не сделает. Конечно, я по-прежнему общаюсь с коллегами. Физика это не столько профессия, сколько диагноз, и в том, что мы делаем на сцене, большая доля естественнонаучного мышления. Мы стараемся смотреть в корень явлений, по возможности находить короткий и красивый путь решения любой задачи.

– 8 марта для вас и день рождения, и женский праздник. По поводу последнего ваша позиция ясна, вы сказали, что женщинам нужно оказывать внимание 365 дней в году, а не только 8 марта. Как вы отметили в этот раз день рождения в Николаеве, и как проводите обычно?

– Накануне был концерт в Луганске. У нас достаточно плотный график, с 4 по 13 марта мы дали восемь концертов, и только сегодня немного вздохнули. Но был такой теплый прием, что все в охотку. В Николаеве утром сходил на рыбалку, и после концерта сразу в Одессу, оттуда – в Киев. По пути нас чуть не арестовали за курение на вокзале, начали составлять протокол. Пришлось сказать: "Вы артистов обижаете". Милиционер отлучился, в Интернет заглянул, говорит мне: "Похож". У меня нет особо трепетного отношения ни к 8 марта, ни к своему дню рождения. В последнее время провожу этот день на гастролях. Однажды отмечал день рождения в Израиле. Очень хорошо запомнил это 8 марта, в доме нашего друга ташкентского происхождения Игоря Гальского, он издает серьезный литературный журнал. Я люблю такие приятные неожиданности.

– На какой возраст вы себя ощущаете?

– Играю с ребятами и чувствую себя их ровесниками (о

коллегах-музыкантах). Прихожу на физфак, общаюсь со студентами и сам молодею. В целом, ощущение аспирантского возраста. Я считаю, что пока у человека сохранится детское восприятие мира, интерес к нему, к людям, он способен на творческие дела.

– Как сохранить в себе такое восприятие мира?

– Так получается, иногда до смешного доходит. Мы с однокурсником ехали летом в райцентр Калужской области на его стареньком автомобиле и ощущали себя студентами. Вдруг нас останавливает молоденький гаишник и говорит, что у нас нет техосмотра, и собирается оштрафовать. Мы оправдываемся, что только закончился, будем делать. "Ну ладно, – говорит, – отпущу вас, вы свое уже пожили".

А когда ты занимаешься делом, сочиняешь музыку, взаимодействуешь с актерами, режиссерами, то возраст вообще исчезает. Есть творческая задача, творческие люди, и когда ты ощущаешь с ними духовное родство, то возрастные барьеры не существуют.

– Вы упомянули о своем взаимодействии с театром и кино, которое длится уже десятилетия. При этом вы очень артистичный человек. Вам предлагали сняться в кино или сыграть в пьесе?

– Когда я был помоложе, мне предложили роль тракториста, который погибает на пятой минуте фильма. Роль очень короткая, он подрывается на снаряде. Может, вы помните, там Валентина Теличкина пытается всю основную часть фильма выйти за него замуж. Обивает пороги разных учреждений, потому что носит сына этого тракториста.

А серьезная роль у меня была в спектакле "12-я ночь" в театре Олега Табакова. Чешский режиссер-постановщик Ян Качер решил, что человек с гитарой должен играть шута. Спектакль не состоялся по техническим причинам. Пока у шута в руках была гитара, я был в полном порядке, но нужно было произносить актерский текст и показывать свое интеллектуальное превосходство над всеми остальными (так звучит у Шекспира). У меня это не очень получалось, потому что я оказался среди профессионалов. Думаю, что если бы работа над спектаклем продолжилась, и я освободился от технических сложностей, то может быть, что-то и получилось. Потом этот спектакль поставили в театре Фоменко в духе уличной постановки. Несколько раз меня приглашали в спектакль ассистентом шута. Весь текст произносил основной актер Карен Бадалов, а я обеспечивал музыкальную часть. А еще мы с Татьяной снимались в картине "Поездка на старом автомобиле". Если вы помните, там внутри фильма идут репетиции и премьеры водевиля Чехова "Предложение". Я

сочинил несколько музыкальных номеров и простимулировал Петра Фоменко на роль Чубукова. Нам с Татьяной роли удались, потому что к нам не было требований как к профессиональным актерам.

– Были и другие предложения?

– В театре Табакова мне предложили сделать концерт-спектакль. Здесь я был в своей тарелке. Когда находишься в театре, то совершенно естественно использовать театральные средства. Это был спектакль под названием "Импровизация на вечные темы". В течение нескольких лет я жил этими спектаклями, они были в репертуаре театра. Оттуда я ушел постепенно, сначала отказался от зарплаты за музыкальную часть, мои спектакли продолжались. Потом мне захотелось быть свободным художником, дел оказалось очень много.

– Благодаря Полю Мориа ваша мелодия "Под музыку Вивальди" облетела весь мир. А как вы познакомились с маэстро?

– Поль Мориа был особенно популярен в России и Японии. Во Франции его мало знали. Он себя считал музыкантом, которому в этой жизни повезло. Когда он был в Москве, мы с ним встретились в Центральном доме работников искусства. Мы там находились, когда оркестр привезли на ужин после выступления в концертном зале "Россия". Нас попросили остаться и что-нибудь сыграть. У музыкантов были кислые лица, потом купили ящик шампанского и пошло-поехало. Мы спели "Под музыку Вивальди", и Поль Мориа сделал стойку. На почве музыкальной общности у нас мгновенно возник контакт. И буквально через три месяца вышла пластинка "Dans Les Yeux D'Amélie" фирмы Phillips с инструментальной версией песни, где были указаны три автора Величанский, Берковский, Никитин. Хотя слова там не звучат, они справедливо считают поэта первоисточником.

Тогда Поль Мориа сказал: "Будете в Париже, заходите". Прошло несколько лет, мы оказались в Париже, позвонили ему, он пригласил нас к себе, очень тепло нас принимал. Его жена оказалась участницей Сопротивления, у них в гостях была супружеская пара – товарищи по Сопротивлению. Он – эмигрант русского происхождения, до этой встречи привозил мне пластинку. Потому что та, которую Поль Мориа послал по почте, почему-то не дошла.

– Вы продолжаете работать над проектом "Песни нашего века"?

– Вместе с Виктором Берковским (он художественный руководитель этого проекта) я принимал непосредственное участие в записи двух первых дисков. А в концертной деятельности я сразу отказался участвовать в эксплуатации этого бренда. Самое главное, что люди восприняли этот диск как праздник. Они собирались выпить-закусить, ставили музыку и пели вместе с артистами. Но эти диски нельзя считать искусством, это популяризация творчества, как некий знак общности, объединяющий людей. И многие люди, которые раньше не слышали Визбора, Городницкого, интересуются ими.

– Вы всегда прямо высказывали свою позицию. И ваши разногласия с Юрием Башметом привлекли внимание ваших поклонников.

– Я высказал свое мнение по поводу лютоедского "закона Димы Яковлева". Так сложились обстоятельства, что наш совместный номер с Юрием Башметом не удался. До этого мы с ним несколько раз вместе выступали, в том числе и на сцене Большого зала консерватории. И это было счастье сыграть с таким большим мастером. Я написал партитуру моих песен на стихи Бориса Рыжего с продуманным соло для альты. Мы собирались репетировать, и тут я наткнулся в Интернете на его интервью, где он очень расплывчато ответил на вопрос о "законе Димы Яковлева". И так выходит, что он "за", а уже было объявлено в Интернете, что я участвую в юбилейном вечере Башмета. Прежде чем заявить о своем отказе, я ему позвонил и спросил: "Правда ли, что он так считает?" и процитировал с компьютера. Он подтвердил и сказал, что уважает мою позицию. Я ответил, что не смогу участвовать в концерте, так как это будет означать мою с ним солидарность.

– Зрители в зале друг у друга спрашивали: "Вы не знаете, почему не приехала Татьяна Никитина?". Вы так органично смотрите вместе на сцене, что поклонники вас не представляют друг без друга.

– Поездка планировалась вместе с Татьяной, но потом стало ясно, что она будет на плановом стационарном лечении. Надеюсь, что в следующий раз мы будем петь вместе.

– Вы собирались вместе с Татьяной написать воспоминания о Булате Окуджаве?

– Мы работаем над такой книгой. Она будет представлять из себя некую мозаику из разных жанров и воспоминаний, каких-то впечатлений, граней творчества. Есть наше интервью 1975 года, это уже документ эпохи, в

котором ничего не изменишь, или о нас кто-то писал. Все это войдет в книгу и получится картина жизни.

– Вы сетовали, что редко удастся выбраться на рыбалку. А на общение с внуками время находите?

– Два-три раза в году я бываю у внуков в Америке. Почти все время им отдаю, играю с внуком в футбол, ездим рыбачить на залив. Недавно купил в сувенирном магазине русские костюмы: сарафан из льна с вышивкой и рубашку, отослал Наташе и Данилу. Игрушек у них и так много, и я, в основном, формирую их библиотеку и кинотеку. Они не смотрят телевизор, мы сами формируем их телепросмотры, хотим, чтобы они полюбили то, что любим мы, фильм "Золушка", например.

– Как вы оцениваете свое творчество сквозь призму лет?

– То, чем мы с Татьяной занимаемся, особая ветвь в жанре авторской песни. Это композиторская или поэтическая песня. Если полному автору частенько прощают не очень высокий уровень стихов в силу его целостности, индивидуальности, то к композитору совершенно другие требования. Мы никогда не сочиняли песни с текстами в поэзии. Легко сделать выбор в пользу высокого поэтического слова, берешь с полки томик Шекспира, Пастернака, а воплотить – сложнейшая задача. Есть некоторые сочинители музыки, которые считают, что стоит взять Цветаеву или Ахматову, и успех обеспечен. Нет, испортить хорошие стихи очень легко. Мне кажется, что непереносимое качество человека творческого – умение отличить из собственных произведений: что удачно, а что – нет.

Беседовала Марина ПАРХОМЕНКО.

Вечерний ДОНЕЦК